

ПРИ ДВОРЕ ПОСЛЕДНЕГО РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРА

*Записки начальника Канцелярии Министерства
Императорского двора*

ЧАСТЬ I. ЛИЧНОСТЬ ЦАРЯ

ОТЕЦ И МАТЬ

Несколько слов насчет родителей Николая II. Александр III, сын Александра II и императрицы Марии Александровны, принцессы Гессен-Дармштадтской, получил воспитание домашнее, как это тогда водилось. От отца и деда он принял чувство громадного могущества русских императоров, которое вызывало, как логическое последствие, необходимость всячески поддерживать престиж царской власти. В этом отношении традиция, восходившая к целому ряду весьма властных государей, оставалась неприкосновенною и грандиозною. Будущему императору не переставали повторять, что русские цари поставлены самим Богом, что русские цари, как защитники и носители национального духа страны, должны являться для народа последним оплотом отеческой доброты и бесконечной справедливости.

От матери Александр III получил заветы семейного, строгого уклада жизни. Само собою разумеется, что ему были внушены все тонкости светского воспитания; он знал, что царь должен быть неизбывным рабом этикета и церемониальной части.

Личные симпатии Александра III сближали его не с отцом, Александром II, а с дедом, Николаем! С ранних лет Александр III

считал, что быстрая эволюция политических учреждений может быть опасною для страны. Он полагал, что поспешное проведение политических реформ может вызвать взрыв того бессознательно-анархического духа, который искони свойствен был русскому народу и всем славянским племенам вообще. Он боялся, что проведение политических реформ вызовет кровавые беспорядки.

Мы все знаем, с каким искусством князь Трубецкой изобразил все эти особенности душевного склада Александра III в том монументе, который и по сие время украшает Знаменскую площадь. Железной рукою массивный и колоссальный Александр III затягивает поводья своей лошади, не менее тяжелой и внушительной, чем сам царь. Сколько раз я проходил мимо этого замечательного произведения искусства, повторяя каждый раз:

— Надо отпустить поводья; если слишком затягивать удила, лошадь сначала бессмысленно потопчется на месте, а потом потеряет голову, встанет на дыбы и опрокинется.

Второю особенностью Александра III было его несомненное пристрастие ко всему тому, что является типично русским. Император Вильгельм I Германский и некоторые мелкие немецкие князья пользовались при дворе Александра II слишком большим и совершенно незаслуженным влиянием. Реакция в душе Александра III оказалась чрезвычайно энергичною: он буквально ненавидел все немецкое. Он стремился быть русским и проводить это во всем, что касалось его личной жизни; отчасти вследствие этого, манеры его казались менее аристократичны, чем манеры его братьев. Он, может быть, этого сам не сознавал, но во всем том, что делал, ясно виднелась мысль: чтобы быть русским, не надо быть чересчур лощеным. Он, конечно, склонялся перед придворным этикетом, но ненадолго; достаточно было ему оказаться в тесном кругу семьи или любимых приближенных, чтобы все искусственные формулы церемониальной части летели на ветер; и неоднократно он говорил, что подобного рода пустяками могут заниматься только умирающие немецкие династии, коим нечем более оправдать свое существование.

Мать Николая Александровича, принцесса Датская, воспитана была при одном из самых патриархальных дворов Европы; от нее Николай II унаследовал бесконечное уважение к принципу семьи; она же дала ему тот личный «шарм», которого у нее самой было так много. Все дети

принцессы Дагмары Датской были менее высоки ростом, чем предшествующие поколения Романовых. Поколение Николая II не имело той величественной осанки, которою славилось поколение Александра II. Может быть, поэтому граф Фредерикс, министр двора, всегда настаивал, чтобы Николай II показывался толпе преимущественно на лошади. Несмотря на свой небольшой рост, Николай Александрович был замечательным кавалеристом и верхом производил, действительно, более величественное впечатление, нежели пешком. Однажды Николай II, смеясь, сказал при мне:

— Граф Фредерикс сам любит гарцевать на лошади; наверное, он руководится эгоистическими соображениями, когда зачастую меня уговаривает показываться верхом даже там, где можно бы ехать в коляске.

ВОСПИТАНИЕ

Два лица, близких мне, хотя много меня старших, рассказывали мне подробно о воспитании детей Александра III. Я имею в виду покойного генерал-адъютанта Васильковского и мистера Хиса, впоследствии учителя английского языка наследника — цесаревича. По словам этих лиц, дети Александра III росли почти без надзора. Манеры их не отличались тем изяществом, которое обращает на себя внимание у детей, за которыми постоянно следили. Даже в присутствии своих родителей дети перебрасывались за столом шариками хлеба, если знали, что им удастся остаться непойманными. В физическом отношении дети были крепкого, здорового сложения; один только Георгий Александрович, второй сын, страдал туберкулезом и умер в раннем возрасте.

Детей учили, особенно усиленно, иностранным языкам; учителя старались главным образом добиться правильного и чистого произношения. Надо сказать, что все дети обладали очень хорошей памятью, в особенности на лица и имена. Отчасти вследствие этого Николай II приобрел очень большие исторические познания.

Когда я ближе узнал государя, его нельзя было не считать очень культурным и образованным человеком. Что же касается его братьев и сестер, то на их образование обращали мало внимания.

Воспитателем будущего императора был генерал-адъютант Данилович. Мой приятель Васильковский никогда иначе не обозначал его, как словом «иезуит». Говорят, что Данилович, когда еще был директором корпуса, имел то же самое почтенное прозвище. Даниловичу император Николай II обязан всем своим моральным обликом; та необычайная сдержанность, которая была основным отличительным признаком характера Николая II, несомненно, имеет своим источником влияние Даниловича. Надо сказать, что Александр III был суров даже по отношению к своим детям; решительно ни в чем не сносил ни малейшего противоречия. Вследствие этого не только дети, но и сама императрица часто оказывались в таком положении, что надо было от отца скрывать то, что произошло, или то, что было содеяно. Именно вследствие этого в семье Александра III образовался дух скрытности. Все это оставалось живым и после смерти отца. Сколько раз мне приходилось слышать, как Николай II отзывался в самых резких выражениях про тех лиц, которые не сумели сдержать данного ими обещания и разболтали какой-нибудь вверенный им секрет.

Николай II был по природе своей весьма застенчив, не любил спорить, отчасти вследствие болезненно развитого самолюбия, отчасти из опасения, что ему могут доказать неправоту его взглядов или убедить других в этом, а он, сознавая свое неумение защитить свой взгляд, считал для себя обидным. Этот недостаток природы Николая II и вызывал действия, считавшиеся многими фальшью, а в действительности бывшими лишь проявлениями недостатка гражданского мужества. Данилович, вместо того, чтобы учить своего воспитанника бороться, научил его этот недостаток обходить. Он же, при наличии и без того скрытной природы большинства членов семьи, приучил будущего государя к той сдержанности, которая зачастую производила впечатление бесчувственности. Положительным достижением этого воспитания была удивительная ровность характера, привлекавшая сердца окружающих. Царь не сердился даже в тех случаях, когда имел бы право и, быть может, был обязан выказать свое недовольство. Если он замечал, что кто-нибудь провинился, он осведомлял об этом непосредственного начальника виновного лица; формулировал при этом свои замечания в высокой степени мягко, никогда не теряя самообладания и не проявляя резкости.

Школа «иезуита» Даниловича дала свои плоды, несомненно,

помогавшие государю в обращении, но затруднявшие ему задачу управления.

Царь был не только вежлив, но даже предупредителен и ласков со всеми теми, кто приходил с ним в соприкосновение. Он никогда не обращал внимания на возраст, должность или социальное положение того лица, с которым говорил. Как для министра, так и для последнего камердинера у царя было всегда ровное и вежливое обращение.

Он увольнял лиц, даже долго при нем служивших, с необычайною легкостью. Достаточно было, чтобы начали рассказывать про кого-нибудь сплетни, чтобы начали клеветать, даже не приводя никаких фактических данных, чтобы он согласился на отчисление такого лица. Царь никогда не старался сам установить, кто прав, кто виноват, где истина, а где навет. По его мнению, такими вопросами должны были заниматься надлежащие начальники или, в крайнем случае, установленные судебные учреждения. Менее всего склонен был царь защищать кого-нибудь из своих приближенных или устанавливать, вследствие каких мотивов клевета была доведена до его, царя, сведения. Как все слабые натуры, он был недоверчив.

Был ли он добр по натуре?

Трудно познать чужую душу, в особенности, если эта чужая душа — душа всероссийского императора. Посещая военные госпитали, царь интересовался участью раненых с такою искренностью, которая не могла быть деланою. На кладбищах, у братских могил он молился истово, так, как может молиться только искренне верующий человек.

Сердце царя было полно любви, так сказать, коллективной любви, объектом коей была вся его обширная родина, и никто в частности. Такая коллективная любовь, конечно, много чем отличается от любви обыкновенной, как ее понимают простые смертные.

Царь любил искренне и горячо жену и детей. Об этом я буду говорить ниже.

Любил ли он своих более отдаленных родственников? Сильно в этом сомневаюсь. Через руки Фредерикса проходили все ходатайства и просьбы, с которыми обращались к царю, как к главе семьи, все члены императорской фамилии. Царь отказывал редко. Но Фредерикс всегда отмечал, что царь раздавал почести, деньги и недвижимые имущества, не проявляя при этом ни малейшего личного удовлетворения. Это, так сказать, входило в его ремесло. Казалось, подчас это было скучно,

надоедливо для государя, подчас несовместимо с истинными интересами государства, но пред этим приходилось преклоняться, так как нельзя было обидеть дядю или племянников. К тому же, — это тоже чувствовалось в разговорах царя, — благодетельствованные поконфузятся, чрез неделю вернутся с новой и, может быть, еще более неприятной просьбой.

Николай II относился хорошо к своим сестрам и брату Михаилу Александровичу. Он чувствовал искреннюю нежность к великому князю Дмитрию Павловичу, который вырос на его глазах и который ему был весьма симпатичен.

По отношению к остальным членам императорской фамилии Николай II проявлял ровно столько любви, сколько нужно было для того, чтобы оставаться в пределах корректности, чтобы не вызывать никаких ненужных осложнений.

МОНАРХ, ПРЕИСПОЛНЕННЫЙ ЧУВСТВА ДОЛГА

Царь вдумчиво относился к своему сану помазанника Божия. Надо было видеть, с каким вниманием он рассматривал просьбы о помиловании осужденных на смертную казнь. Право милости — не приближало ли оно его всего более к Всемиловитовому?

Как только помилование было подписано, царь не забывал никогда, передавая резолюцию, требовать немедленной отправки депеши, чтобы она не запоздала. Помню случай, когда в одну из поездок телеграмма с просьбою о помиловании была получена поздно вечером. Фредерикс уже спал, государь же еще занимался в своем купе. Я приказал камердинеру доложить обо мне. Царь принял меня, видимо, удивленный моим вторжением в такой час.

— Я позволил себе затруднить ваше величество ввиду получения телеграммы о помиловании; граф же, после утомительного дня, спит.

— Конечно, вы правильно поступили. Ведь дело идет о жизни человека. Но как же теперь быть? Можете ли подписать за Фредерикса? (По закону ответная телеграмма должна была носить подпись министра двора.)

— Конечно, ваше величество. Я передам телеграмму за моею подписью, а граф ее заменит своею завтра.

— Хорошо. Так и сделайте.

На другой день государь вернулся к разговору.

— Убеждены ли вы, что телеграмма была немедленно отправлена?

— Да, немедленно, в таком-то часу.

— Ведь эти телеграммы с моими повелениями идут вне очереди, как мои личные?

— Точно так, ваше величество.

Царь, видимо, почувствовал облегчение, так как исполнение приговора было назначено на утро.

ФАЛЬШИВЫЙ ИЛИ ЗАСТЕНЧИВЫЙ?

Говорят, будто царь был фальшив. Называют случаи внезапных, невзначай вызванных, отставок министров, до того мнивших себя в полной милости.

Отставки эти, действительно, происходили в особых условиях: однако ж объяснение действий и мотивов царя не следует искать в недостатке его прямоты.

Для царя министр был чиновником, подобно всякому другому. Царь любил их, поскольку они были ему нужны, столько же, как всех своих верноподданных, и так же к ним относился. Если же с кем-либо из них приключалось несчастье, то жалел их искренне, как всякий чувствительный человек жалеет страдающего. Один граф Фредерикс пользовался в этом отношении привилегированным положением.

Бывал ли министр в несогласии с царем, общественность или враги начинали ли его клеймить, — или же переставал он внушать доверие по какому-либо поводу, — царь выслушивал его, как обычно, благосклонно, благодарил за сотрудничество, тем не менее несколько часов спустя министр получал собственноручное письмо его величества, уведомлявшее его об увольнении от должности.

Тут чувствовалась тренировка в молодости генералом Даниловичем. Министры не принимали во внимание отсутствие боеспособности, лежавшее в основе характера царя.

Отношения царя с министрами завязывались и оканчивались следующим образом: царь проявлял сначала к вновь назначенному министру чувства полного доверия; радовался сходству во взглядах. Это

был медовый месяц, порою долгий. Затем на горизонте появлялись облака. Они возникали тем скорее, чем более министр настаивал на принципах, был человеком с определенной программой. Государственные люди, подобно Витте, Столыпину, Самарину, Трепову, почитали, что их программа, одобренная царем, представляла достаточно крепкую основу, чтобы предоставлять им свободу в проведении деталей намеченного плана. Однако ж государь смотрел на дело иначе. Зачастую он желал проводить в действие подробности, даже не касавшиеся самого дела, а известной его частности, или даже личного назначения.

Встречаясь с подобным отношением, министры реагировали согласно своему индивидуальному темпераменту. Одни, как Ламсдорф, Кривошеин, Сухомлинов, мирились и соглашались. Другие, менее податливые, либо стремились действовать по-своему, ведя дело помимо царя, либо же пускались переубеждать его. Первый из этих способов вызывал живейшее недовольство государя, но и второй таил в себе немалые опасности для министра.

Царь схватывал на лету главную суть доклада; понимал, иногда с полуслова, нарочито недосказанное; оценивал все оттенки изложения. Но наружный его облик оставался таковым, будто он все сказанное принимал за чистую монету. Он никогда не оспаривал утверждений своего собеседника; никогда не занимал определенной позиции, достаточно решительной, чтобы сломить сопротивление министра, подчинить его своим желаниям и сохранить на посту, где он освоился и успел себя проявить. Не реагируя на доводы докладчика, он не мог и вызвать со стороны министра и той энергии, которая дала бы тому возможность переубедить монарха.

Он был внимателен, выслушивал, не прерывая, возражал мягко, не подымая голоса. Министр, увлеченный правильностью своих доводов и не получив от царя твердого отпора, предполагал, что его величество не настаивает на своих мыслях. Царь же убеждался, что министр будет проводить в жизнь свои начинания, несмотря на его, императора, несогласие. Министр уезжал, очарованный, что мог убедить государя в своей точке зрения. В этом и таилась ошибка... Где министр видел слабость, скрывалась сдержанность. По недостатку гражданского мужества царю претило принимать окончательные решения в присутствии заинтересованного лица. Но участь министра была уже

решена, только письменное ее исполнение откладывалось.

Повторяю: спорить было противно самой природе царя. Не следует упускать из вида, что он воспринял от отца, которого почитал и которому старался подражать даже в житейских мелочах, незыблемую веру в судьбоносность своей власти. Его призвание исходило от Бога. Он отвечал за свои действия только пред совестью и Всевышним. Императрица поддерживала в нем всеми силами эти взгляды.

Царь отвечал пред совестью и руководился интуицией, инстинктом, тем непонятным, которое ныне зовут подсознанием (и о котором не имели понятия в XVI веке, когда московские цари ковали свое самодержавие). Он склонялся лишь пред стихийным, иррациональным, а иногда и противным разуму, пред невесомым, пред своим все возрастающим мистицизмом.

Министры же основывались на одних доводах рассудка. Их заключения взывали к разуму. Они говорили о цифрах, прецедентах, сметах, исчислениях, докладах с мест, примерах других стран и т. д. Царь и не желал, и не мог оспаривать таких оснований. Он предпочитал увольнять в отставку лиц, переставших преследовать одну с ним цель.

Впрочем, царь, как многие другие русские, считал, что судьбы не обойдешь.

ЦАРЬ НИКОГДА НЕ ИМЕЛ СЕКРЕТАРЯ

Помазанник Божий, царь держался сознательно и систематически высот, куда не мог проникнуть простой смертный.

Многим ли известен следующий значительный факт: всероссийский император никогда не имел частного секретаря. Он был до такой степени педантичен в исполнении своих обязанностей, что сам ставил печати на свои письма. Только при большой спешке бывало, что государь поручал эту второстепенную обязанность своему камердинеру. Последний, впрочем, должен был представлять его величеству свою работу, чтобы царь мог самолично убедиться в ее исполнении.

Он не имел секретарей. Впрочем, официальные документы, письма не строго частного характера писались канцеляриями, Танеев составлял «рескрипты» сановникам. Министр двора — официальные письма членам царской семьи. Министр иностранных дел по должности ведал

корреспонденцией с иностранными монархами и так далее.

Секретарь государя мог бы иметь и другие задачи: классифицировать корреспонденцию, наблюдать за ходом дел, принимать входящие и так далее. Достаточно работы для двух-трех доверенных приближенных.

Но тут-то и заключалась трудность. Надо было бы довериться кому-либо. А царь недолго любил доверять своих мыслей посторонним.

Вдобавок была и другая опасность: секретарь стал бы расти в значении, сделался бы необходимым, влиял на монарха. Влиять на того, кто желал слушаться лишь своей совести. Одна эта возможность должна была, сама по себе, встревожить Николая II.

Министр двора поддерживал царя в этом решении, не желая вторжения постороннего лица между государем и его первым слугою.

Императрица имела частного секретаря, графа Ростовцева. Царь — никого.

Он желал быть одним.

Одним пред своей совестью.

Помнится мне возвращение из Компьен, где мы присутствовали на памятном смотре французской армии. Разговоры шли между военными, и, естественно, во время долгих часов путешествия мы разбирали нас волнующий вопрос: «Может ли французская армия выдержать напор войск кайзера?»

Все будущее русской политики зависело от ответа на этот вопрос. Некоторые наши специалисты говорили, что французские войска менее дисциплинированы и устойчивы, нежели германские. Другие утверждали, что французский мужик защищается на собственной земле, как лев. Будущее подтвердило последнее мнение. Мы воодушевились, мы верили.

Государь слушал внимательно, но не сказал ни слова.

СДЕРЖАННОСТЬ ЦАРЯ

В Ливадии, в моменты отдыха, который Николай II иногда себе давал, я часто имел честь сопровождать его величество в поездках верхом. Вначале, еще мало зная государя, я пытался во время прогулок разговаривать на злобы дня: о последних политических событиях,

газетных новостях. Царь отвечал чрезвычайно неохотно и сейчас же переводил беседы на другие, безобидные темы: о лошадях, о теннисе и т. п. При этом, когда кем-либо затрагивался вопрос, на который Николай II не желал отвечать, он менял аллюр с шага на рысь, при которой разговаривать было трудно.

Я вскоре понял причину: только с министрами, на докладах, царь говорил серьезно о делах, их касающихся. Со всеми другими — с членами ли императорской фамилии, с приближенными — государь тщательно старался избегать ответственных разговоров, которые могли бы его вынудить высказать свое отношение по тому или иному предмету.

Это было ему тем легче, что Николай II обо всем говорил бесстрастно. Помню момент получения известия о гибели русского флота под Цусимою. Телеграмма была принята в пути в императорском поезде. Царь послал ее Фредериксу для передачи военному министру, Сахарову, и свите. Прочитав ее, мой министр пошел к государю в купе и долго там оставался.

Пришел скороход оповестить нас, что его величество в столовой, за вечерним чаем. Вошли поодиночке, сели молча. Никто не решался заговорить о зловещей телеграмме. Молчание было прервано царем. Он заговорил о бывших в тот день смотрах войск и других незначительных событиях. В течение часа ни одного слова о Цусиме не было помянуто.

Вся свита была ошеломлена безучастием императора к такому несчастью. Когда царь ушел, Фредерикс рассказал о своей беседе с государем в купе. Николай II был в отчаянии: рухнула последняя надежда на благополучный исход войны. Он был подавлен потерей своего любимого детища — флота, не говоря о гибели многих офицеров, столь любимых и балованных им...

— Его величество просит к себе военного министра.

Генерал Сахаров долго совещался с царем. По окончании разговора он подтвердил нам, сколь обеспокоен государь известием:

— Царь обсуждал со мною события, проявляя полное сознание будущих трудностей. Он мне начертал мероприятия, вызванные новым положением.

Позже я мог убедиться, насколько катастрофа при Цусиме глубоко потрясла государя, вызвав серьезную перемену в его характере.

ОТЕЦ

Отеческая любовь Николая II была исключительной нежности. Он жил своими детьми и гордился ими. Никогда не забуду того, как царь впервые показал мне своего наследника: цесаревичу было тогда всего лишь несколько месяцев.

Их величества плавали в финских шхерах. Дверь каюты наследника выходила прямо на палубу. Я шел мимо в тот момент, когда оттуда выходил государь.

— Вы, кажется, еще не видали цесаревича во всей его красе? Пойдемте, я вам его покажу.

Мы вошли. Наследник полоскался в ванночке. Государь заметил:

— Пора ему кончать ванну. Увидим, оскандалится ли он или нет. Пожалуй, при вас кричать не будет.

Мальчика вынули из ванны и без особых затруднений обтерли. Тогда царь снял с него простынку, поставил ножками на руку, другою держа его под мышками, и показал мне его во весь рост. Действительно это был чудно сложенный ребенок. Затем государь накинул на него простыню и отдал няне.

Мы вышли. Царь говорил со мною еще несколько минут о своем красавце сыне, спрашивая, заметил ли я пропорциональность ног к туловищу и так называемые браслетики, то есть как бы ниткою обвязанные конечности, признак хорошего питания.

На следующий день государь сказал императрице в моем присутствии:

— А мы вчера с Мосоловым делали смотрины цесаревичу.

Александра Федоровна ничего не ответила, но я видел, что она осталась недовольна этой экспансивностью мужа.

СУПРУГ

Николай II не только любил жену, он был в нее положительно влюблен, даже с легким оттенком скрытой ревности: к вещам, к занятиям и людям, отвлекающим ее внимание от него.

Во всяком браке, даже самом совершенном, один любит, другой — позволяет себя любить. В царской чете государь был любящим всею

силою души. Царица отвечала горячей нежностью, счастливая быть любимой человеком, которого она глубоко ценила.

Впрочем, именно ее величество скорее проявляла ревность ко всему, что могло отделять ее от мужа. Добросовестная, как только может быть немка, она понимала, что государю нужно работать, и не только не мешала ему, а, напротив, скорее подталкивала мужа. Но все, что за работу не считала, например: прием, разговор с посторонними людьми и т. п., недолгоблывала, как отнимающее у государя время, которое они могли проводить вдвоем. Она понимала одиночество утренних прогулок царя, во время которых тот обдумывал свои решения, лишь бы они не превышали времени, на них ассигнованного. Она не признавала отклонений, увлечения какой-либо творческой мыслью, заставляющей думать вне законного времени.

Особенно соблюдались часы вечернего чтения. Трудно себе представить что-либо, что бы могло заставить государыню согласиться отказаться, хотя бы на один вечер, от этих чтений, с глазу на глаз у камина.

Царь читал мастерски и на многих языках: по-русски, по-английски (на нем разговаривали и переписывались их величества), по-французски, по-датски и даже по-немецки (последний язык был государю менее известен). Заведующий собственной его величества библиотекой Щеглов представлял царю каждый месяц по крайней мере двадцать интересных книг, вышедших за этот период. В Царском Селе книги эти были разложены в комнате, близ покоев императрицы. Меня как-то заинтересовал стол, где лежали уже выбранные Николаем II книги для чтения, однако камердинер меня к ним не подпустил.

— Его величество складывает их в известном порядке и не любит, ежели не находит их точно в том виде, как он их сам разложил. И детей не приказано допускать в эту комнату без императрицы или кого-либо из фрейлин.

Среди этих книг государь избирал себе ту, которую читал супруге, обыкновенно историческое сочинение или русский бытовой роман.

Однажды царь сознался мне:

— Прямо боишься в Царском Селе войти в комнату, где эти книги разложены. Не знаешь, которую выбрать, чтобы взять с собой в кабинет. Смотришь, и час времени потерял. Только в Ливадии успеваю почитать, но и то половину взятых с собой книг приходится сдать

неразрезанными.

И добавил с сожалением:

— Некоторые мемуары больше года, как не отдаю Щеглову: так уже хочется с ними познакомиться, да, видно, не придется.

Чтение вдвоем было главным удовольствием царской четы, искавшей духовной близости и семейного уюта.

«ВАШ ПЕТР ВЕЛИКИЙ»

Сознаюсь, что за все 16 лет службы при дворе мне всего лишь дважды довелось говорить с государем о политике.

Впервые это было по случаю двухсотлетия основания Петербурга. Столбцы газет были переполнены воспоминаниями о победах и преобразованиях великого Петра. Я заговорил о нем восторженно, но заметил, что царь не поддерживает моей темы. Зная сдержанность государя, я все же дерзнул спросить его, сочувствует ли он тому, что я выражал.

Николай II, помолчав немного, ответил:

— Конечно, я признаю много заслуг за моим знаменитым предком, но признаюсь, что был бы неискренен, ежели бы вторил вашим восторгам. Это предок, которого менее других люблю за его увлечения западной культурой и попирание всех чисто русских обычаев. Нельзя насаждать чужое сразу, без переработки, быть может, это время, как переходный период, и было необходимо, но мне оно несимпатично.

Из дальнейшего разговора мне показалось, что и, кроме сказанного, государь ставил в укор Петру и некоторую показную сторону его действий и долю в них авантюризма.

Царь долго помнил мои чувства симпатии к великому Романову.

Однажды, возвращаясь верхом по тропинке, высоко над шоссе из Учан-Су, с дивным видом на Ялту и ее окрестности, государь высказал, как он привязан к южному берегу Крыма.

— Я бы хотел никогда не выезжать отсюда.

— Что бы вашему величеству перенести сюда столицу?

— Эта мысль не раз мелькала у меня в голове.

Вмешалась в разговор свита. Кто-то возразил, что было бы тесно для столицы, — горы слишком близки к морю. Другой не согласился:

— Где же будет Дума?

— На Ай-Петри.

— Да зимой туда и проезда нет из-за снежных заносов.

— Тем лучше, — заметил дежурный флигель-адъютант.

Мы двинулись дальше, государь и я с ним рядом, по узкой дорожке. Император полушутя сказал мне:

— Конечно, это невозможно. Да и будь здесь столица, я, вероятно, разлюбил бы это место. Одни мечты...

Потом, помолчав, добавил, смеясь:

— А ваш Петр Великий, возымев такую фантазию, неминуемо провел бы ее в жизнь, невзирая на все политические и финансовые трудности. Было бы для России хорошо или нет, — это другой вопрос.

Более мы к этому никогда не возвращались.

Впрочем, эта антипатия к великому реформатору гнездилась в природе царя. Известно, как в самом начале царствования депутация всероссийского дворянства получила памятный выговор. В ответ на приветствие по случаю вступления на престол (с надеждой о призыве к сотрудничеству) император сказал краткое слово, заключавшее знаменитую фразу: «Оставьте бессмысленные мечтания».

Эта первая публичная речь молодого монарха имела несказанный эффект на широкие круги, возлагавшие надежду, что Николай II возобновит традицию реформ, ознаменовавших эпоху его деда, Александра II, и столь круто прерванную его отцом, Александром III.

НЕЛЬЗЯ БЫТЬ НЕДОСТАТОЧНО ОСТОРОЖНЫМ

Помню свой разговор с царем о Болгарии: это было в 1912 году. Первая Балканская война близилась к концу. Болгарская армия начинала выдыхаться после невероятных усилий.

Генерал Радко-Дмитриев написал мне с просьбой доложить государю, что появление русского флота вблизи Константинополя и у малоазиатского побережья могло бы повернуть весь ход кампании в пользу Болгарии. Я решился доложить об этом письме.

Царь сперва объяснил мне общее политическое положение, а затем добавил:

— Я жалею Болгарию. Но не могу же я для увенчания ее лаврами

рисковать достоянием России — жизнью своих солдат.

И, подумав, продолжал:

— Нет. Не отвечайте вовсе Дмитриеву, чтобы он не пал духом. Я с большим сочувствием отношусь к Болгарии и в особенности к ее храброй армии. Но малейший намек на вмешательство может вызвать европейскую войну. Нельзя быть в таких случаях недостаточно осторожным.

Сказав это, государь разобрал поводья, и чудный его вороной пошел крупной рысью. Ехали мы долго молча. Затем царь повторил:

— Да. Жаль, что вашим болгарам не могу помочь. Армия их славная.

И перешел на другую тему.

НАЦИОНАЛИЗМ ЦАРЯ

Подобно отцу Николай II придерживался всего специфически русского. Помню фразу, сказанную им знаменитой исполнительнице русской народной песни Плевицкой после ее концерта в Ливадии:

— Мне думалось, что невозможно быть более русским, нежели я. Ваше пение доказало мне обратное; признателен вам от всего сердца за это ощущение.

Царь был большим знатоком родного языка, замечал малейшие ошибки в правописании, а главное, не терпел употребления иностранных слов.

Помню один разговор с ним по этому поводу. Как-то за чаем беседовали о русском правописании. Принимал участие и князь Путятин. По желанию государя Путятин принес составленный им список названий родни по-русски, даже весьма отдаленной, по которому тут же царь экзаменовал детей и нас. Никто не знал весьма многих, в свете мало употребляемых терминов, что очень радовало детей.

— Русский язык так богат, — сказал царь, — что позволяет во всех случаях заменять иностранные выражения русскими. Ни одно слово не славянского происхождения не должно было бы уродовать нашего языка.

Я тогда же сказал его величеству, что он, вероятно, заметил, как я их избегаю во всеподданнейших докладах.

— Верится мне, — ответил царь, — что и другим ведомствам удалось внушить эту привычку. Я подчеркиваю красным карандашом все иностранные слова в докладах. Только Министерство иностранных дел совершенно не поддается воздействию и продолжает быть неисправимым.

Тут я назвал слово, не имеющее русского эквивалента:

— Как же передать «принципиально»?

— Действительно, — сказал царь подумав, — не нахожу подходящего слова.

— Случайно, ваше величество, я знаю слово по-сербски, которое его заменяет, а именно «зачельно», что означает мысль за челом.

Государя это очень заинтересовало, и он заметил, что при первой возможности учредит при Академии наук комиссию для постоянной разработки русского словаря наподобие французского академического, являющегося авторитетным руководством как для правописания, так и для произношения.

Только в одной области царь (и этого нельзя ставить ему в вину) допускал послабление своего национализма: большой знаток музыки, он одинаково ценил как Чайковского, так и Вагнера. «Кольцо Нибелунгов» было поставлено на императорской сцене по его личному почину и возобновлялось регулярно в каждом сезоне.

Добавлю, что национализм Николая II не носил того крайнего, почти монолитного характера, как у Александра III. Сын был гораздо тоньше и культурнее отца, да и не располагал энергией, чтобы приводить в действие крайности, в которые иногда впадал Александр Александрович. Николай II, правда, надевал дома красные крестьянские рубахи и даже дал их под мундир стрелкам императорской фамилии. Носились также с грандиозной мыслью об уничтожении современных придворных мундиров, с заменой их боярскими костюмами московской эпохи. Даже поручили одному художнику изготовить нужные рисунки. В конце концов пришлось отступить перед чрезмерными затратами, которые были бы вызваны подобным планом. Когда подумаешь об одной парче да мехах, не говоря о самоцветных камнях и жемчугах...

Время было уже не то (или еще не то), чтобы проявления воинственного национализма могли успешно вызревать при дворе Николая II.

«ДО ГРОБОВОЙ ДОСКИ»

В одной лишь среде царь чувствовал себя по-товарищески — среди военных.

Во время обсуждения в военном министерстве вопроса о перемене снаряжения пехоты государь решил проверить предложенную систему самому и убедиться в ее пригодности при марше в сорок верст. Он никому, кроме министра двора и дворцового коменданта, об этом не сказал. Как-то утром потребовал себе комплект нового обмундирования, данного для испробования находившемуся близ Ливадии полку. Надев его, вышел из дворца совершенно один, прошел двадцать верст и, вернувшись по другой дороге, сделал всего более сорока, неся ранец с полной укладкой на спине и ружье на плече, взяв с собой хлеба и воды, сколько полагается иметь при себе солдату.

Вернулся царь уже по заходе солнца, пройдя это расстояние в восемь или восемь с половиной часов, считая в том числе и время отдыха в пути. Он нигде не чувствовал набивки плечей или спины; и, признав новое снаряжение подходящим, впоследствии его утвердил.

Командир полка, форму коего носил в этот день император, испросил в виде милости зачислить Николая II в первую роту и на переключке вызывать его как рядового. Государь на это согласился и потребовал себе послужную книгу нижнего чина, которую собственноручно заполнил. В графе для имени написал — «Николай Романов», о сроке же службы — «До гробовой доски».

Конечно, впоследствии об этом узнали военные газеты, а затем и широкая публика. Не все, однако, знают, что император Вильгельм в письме к государю поздравлял его с этой мыслью и ее исполнением, но, говорят, в несколько кислых выражениях. А наш военный агент в Берлине сообщил, что кайзер потребовал перевода всех статей по этому предмету из русских газет и досадовал, что не ему, германскому императору, пришла эта мысль.

После доклада этих сведений военным министром царь пожалел, что разрешил предать гласности испробованную им перемену снаряжения.

ЛУЧШЕ САМОМУ ПРОВОДИТЬ ИХ НА ФРОНТ

Царь считал себя военным, первым профессиональным военным своей империи, не допуская в этом отношении никакого компромисса. Долг его был долгом всякого военнослужащего.

Поясню примером, восходящим еще ко времени русско-японской войны.

Всем известна эта несчастная кампания: части следовали за частями; астрономические расстояния, отделявшие Европейскую Россию от театра военных действий (при незавершенной Круго-Байкальской железной дороге) пожирала наша войска бесследно. Жертвы все нарастали. Главнокомандующий Куропаткин повторял: «Терпения, терпения». Месяцы текли; успехов все не было. Мало утешительного слышалось и писалось с фронта; доходили слухи о недоразумениях среди высшего начальства, признак нехороший.

Государь начал объезжать войска и благословлял их перед выступлением в поход. Речи царя к частям были весьма удачны и особенно — говорившиеся экспромтом, производили сильное впечатление. Заканчивались проводы войсковой части вручением ей иконы, благословением от императрицы и государя.

Николай II становился все молчаливее. Чувствовалось, под наружной сдержанностью — безусловная тревога. Наконец, и у него прорвались слова:

— Пожалуй, было бы лучше, чем провожать войска, самому проводить их на фронт.

Немногие из присутствовавших обратили внимание на это восклицание. Впоследствии оно было для меня настоящим откровением; в интересах почти что колониальной войны, ради сражений, протекающих где-то в Китае, в двадцати днях железнодорожной езды от столицы, царь стремился отбыть на фронт. Его долг, думал он, было стать посреди своих воинов, разделив их тяготы.

ВЕРХОВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ

Великая война (Первая мировая).

Зимний дворец, как и в японскую войну, превратился в громадную мастерскую для изготовления белья и санитарных принадлежностей, а

затем стал огромнейшим госпиталем, обставленным по последнему слову науки, благодаря необыкновенным заботам императрицы.

Первые успехи.

Все ликовали. Лично я был в особо радостном настроении, что мой родной конный полк отличился под Коушином, заставив отступить 2-ю ландверную бригаду, причем взятие батареи эскадром барона Врангеля (впоследствии командующего Добровольческой армией) значительно способствовало этому успеху нашей кавалерии. Равно меня радовали письма сына, говорившие о славных делах лейб-казацкого полка, в котором он служил.

Однако мало-помалу потери на войне увеличивались... Наступление остановилось... затем — неудачное сражение под Танненбергом... уничтожение самсоновской армии... общее отступление... бесславные сдачи крепостей... массовые эвакуации гражданского населения целых областей, в особенности еврейского, под угрозой вражеской оккупации... огульные подозрения в шпионстве.

Общественное мнение становилось тревожным.

Ставка выставила в свое оправдание две причины неудач: недостаток в снарядах и германский шпионаж. Козлом отпущения явился военный министр Сухомлинов. Для поддержания этих тезисов, по требованию великого князя Николая Николаевича, сменили военного министра и отдали его под суд, а для подтверждения версии о шпионаже был повешен жандармский полковник Мясоедов, и начались ссылки лиц, носивших немецкие фамилии. В последнем особенно усердствовал начальник контрразведки генерал Бонч-Бруевич.

Общественность, получив возможность кого-либо обвинять, с радостью набросилась на указываемых виновников.

Что касается так называемых сфер, то мнения там расходились: одни поддерживали указываемые ставкой слухи, другие, не высказываясь во всеуслышание, видели главного виновника военных неудач в Николае Николаевиче. Великому князю ставили в вину нерешительность и, с другой стороны, такую строгость с начальствующими лицами, которая отнимала у тех всякую инициативу. Бывали случаи самоубийства из страха обидно грубых нареканий.

Военные неудачи мало отражались на популярности Николая Николаевича; скорее порождали мысль в обществе и в высших кругах, что при условии неограниченности его полномочий успехов было бы

больше.

Государь хорошо сознавал положение дел на фронте. Не обеляя полностью действий военного министра, он считал, что нападки на Сухомлинова должны были скрывать неудачные распоряжения верховного командования. Страх же шпионажа был обычным средством сокрытия настоящих причин наших поражений. Царь по своей натуре не высказывал недовольства, которое, безусловно, накоплялось в нем.

Несмотря на правильное понимание этого периода войны, царь не сделал ни одного шага, могшего дискредитировать Верховного, до дня отрешения его от должности; вот почему оно и явилось для всех такой неожиданностью. Скажу больше, я чувствовал в царе такой наплыв любви к родине и жажды ее величия, что даже в случае больших удач он бы не возымел приписываемой ему часто ревности к популярности великого князя. В данном случае подобное чувство отходило на задний план перед искренним, глубоким патриотизмом. Возвышенность и сила этого чувства выявились особенно во время заточения государя и не покидали его вплоть до кончины.

Но одновременно он отлично сознавал и все последствия смены командования. Нет ничего опаснее во время военных действий, как такая смена начальника, окруженного людьми, ему уже известными и оцененными по достоинству, и передачи его обязанностей другому лицу.

Приходится коснуться вопроса о возложении царем на себя звания главнокомандующего — одного из самых загадочных и трагических обстоятельств этой эпохи. Прямолинейное и бескомпромиссное чувство военного долга косвенно пагубно отразилось на судьбах империи.

Продвижение противника в глубь России действовало удручающе на армию и народ. Царь считал, что своим вступлением в командование он поднимет дух войск и даст толчок, могущий остановить движение немцев. Конечно, в случае неудачи он рисковал своим тронem, но у него было убеждение в конечной победе. Успех все бы покрыл, и Россия стала бы всесильной. Мог ли он предвидеть крушение империи и народные судороги, последовавшие за этой катастрофой, когда вокруг него никто ясно этого ему не высказывал?

Государь полагал, что он один мог сменить великого князя благодаря своему знанию командного состава армии. Этим избегалась обычная ломка ее организации. Заменой же Янушкевича Алексеевым

царь надеялся придать иной ход военным действиям.

С политической точки зрения, государь считал удаление Николая Николаевича на Кавказ желательным. Оппозиционные элементы, памятуя ту роль, которую великий князь сыграл перед 17 октября, поддерживая Витте, старались использовать его имя для своих целей, хотя с тех пор его высочество давно перешел в лагерь самых ярых реакционеров.

Итак, постепенно создалось расхождение между ставкой и монархом. При замкнутости характера царя мало кто это замечал. Проявилось оно, когда царь высказал сперва Фредериксу, а затем и другим своим близким созревающее у него решение принять на себя верховное командование. Граф сразу высказался против этого намерения по причинам политическим. Но не все окружение царя последовало примеру министра двора. Главной же сторонницей этого решения была императрица. Она уже делила людей на черных и белых душой, а вокруг Николая Николаевича ей чудились черные.

Несмотря на единодушный совет всех членов правительства, перемена состоялась.

Решение стоило царю дорого, сочувствия и понимания он нашел мало, но веление долга, как он его понимал, Николай II исполнил.

ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИЙ «ЗАГОВОР»

После отъезда царя в ставку столица со всей своей политической жизнью очутилась в каком-то нелепом, как бы нелегальном положении.

Решение государя сильно отозвалось на внутреннем управлении страной. Настоящего кабинета не было, а был лишь совет министров. Председатель его, престарелый Горемыкин, никак не мог достигнуть единомыслия со своими министрами, и результатом этого было полное отсутствие единства в управлении. Работа шла, но ею не руководили. Одни министры ездили в ставку, другие — в Царское Село, но как здесь, так и там чувствовалось влияние императрицы, вдохновлявшейся советами «нашего друга». Наступило время, которому дали кличку «министерской чехарды».

Отношения правительства к Думе становились все более натянутыми, неурядица же в управлении заставляла народное

представительство все настойчивее добиваться парламентского кабинета. Исполнение этого требования представлялось государю, во время войны, прямо невозможным. Вдобавок он предвидел в таком случае усиление нападок в Думе на царицу. Попытка императора составить, помимо Думы, единомышленный кабинет (под премьерством Трепова, о котором говорю ниже, в главе о Распутине) из лиц, пользующихся общественным доверием, была обречена на неуспех.

Не помогли положению и постоянные тревоги английского посла, который в надежде, что парламентское правительство даст большие гарантии успешного продолжения войны, поддерживал требования министерства доверия.

При всяком свидании государя с императрицей пускались слухи о каких-то семейных раздорах.

Более осведомленные уверяли:

— Царь соглашается отправить Александру Федоровну в Ливадию.

Иные говорили:

— Да нет же, в монастырь.

Третьи же шептали:

— Если он воспротивится, — неизбежен дворцовый переворот.

Думали, что переворот приведет к диктатуре Николая Николаевича, а при успешном переломе в военных действиях — и к его восшествию на престол. Переворот считался еще невозможным ввиду распрей в императорской фамилии и, главное, в пику популярности великого князя в армии.

Об этих настроениях знали полиция и контрразведка. Не знать о них, конечно, не мог и государь. Попали ли тогда в его руки какие-либо конкретные доказательства, положительно не знаю, но в переписке императрицы все время звучит нотка опасения перед влиянием великого князя на фронте, в польских кругах и так далее.

Слухи о перевороте упорно держались в высшем обществе: о них чем дальше, тем откровеннее говорили. Имел ли к таким слухам какое-либо отношение Николай Николаевич? Не думаю. Со времени отъезда великого князя на Кавказ это просто стало невероятным. В Петрограде тогда находились лишь дворы Марии Павловны и Николая Михайловича. Но из них каждый в отдельности или даже оба вместе взятые были совершенно неспособны к решительным действиям.

Думаю, что «заговор» великих князей существовал лишь в

воображении «света».

Николай Николаевич послал царю известную телеграмму с «коленопреклоненной» просьбой об отречении. Полагаю, что этим жестом ограничивается его активное вмешательство в судьбы России.

НЕДОВЕРЧИВОСТЬ ЦАРЯ

Моральное одиночество, наложенное на себя царем с юного возраста, было тем более опасным, что Николай II относился недоверчиво даже к лицам ближайшего окружения. Один граф Фредерикс являлся исключением.

Государь вступил на престол 26-ти лет, когда характер его еще не сложился окончательно и когда он по недостатку опыта еще не приобрел навыка понимать людей.

Все общение его с миром сводилось в то время к недолгой службе в трех разных воинских частях. Без сомнения, жизнь представлялась ему в традиционных рамках: «В таком-то полку, роте или эскадроне все обстоит благополучно». Эта формула ежедневных рапортов послужила лейтмотивом жизненной школы будущего императора. Сам он, однако, вскоре убедился в лживости этого напева, и результатом разочарования явилась глубокая недоверчивость. Царь прекрасно разбирался во лжи; но не легко доверялся правде. Эта недоверчивость и делала столь трудной задачу непосредственного окружения.

Царь боролся, сколько мог, с нежелательными течениями в управлении. Потом, уступая необходимости отъезда в ставку, предоставил продолжение этой роковой борьбы императрице. С изумительной энергией принялась она исполнять эту задачу, однако без законных полномочий. Силы государыни расточались бесплодно, по указаниям Распутина, помимо, а часто и наперекор директивам царя.

Я допускаю, что отречение было проявлением морального утомления; разочарованный в собственной нерешительности царь думал, что его оставят в покое; он верил тому, что вместе с сыном его отпустят «работать в саду» Ливадии.

Главными же доминирующими доводами были нежелание пролития крови при подавлении революции и надежда на дальнейшее беспрепятственное продолжение войны.

ЧАСТЬ II. ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА

ПРИЧИНЫ НЕПОПУЛЯРНОСТИ

Императрице Александре Федоровне не удалось стать популярной в своем новом отечестве. Ряд несчастных внешних обстоятельств в соединении с болезненной застенчивостью помешали этому.

Принцесса Алиса-Виктория-Елена-Луиза-Беатриса, младшая дочь принца Людвиг Гессен-Дармштадтского и принцессы Алисы, дочери английской королевы Виктории, родилась 6 июня 1872 года. В 1886 году, 14 лет от роду, она приехала в гости к своей сестре, великой княгине Елисавете Федоровне, супруге великого князя Сергея Александровича. Здесь она познакомилась с наследником, Николаем Александровичем, и молодые люди влюбились друг в друга. Два года спустя она вновь приехала в Петербург, уже как бы на смотрины. Но Александр III был против брака, считая, что цесаревич еще слишком юн (ему было тогда 20 лет), а императрица Мария Федоровна была принципиально против брака с германской принцессой. Как истая датчанка, государыня ненавидела немцев, не прощая им аннексии Шлезвига и Голштинии в 1864 году.

Неприязнь императрицы к молодой принцессе сейчас же отразилась на отношении к ней всего русского двора. С ее высочеством обращались с нескрываемым пренебрежением и даже с насмешкой и иронией. Только великая княгиня Мария Павловна отнеслась к своей соотечественнице сердечно и взяла ее под свое покровительство. Из придворных только князь Н. Д. Оболенский, видя принцессу Алису оставленной, по-рыцарски пожалел ее и был к ней подчеркнуто любезен.

Когда Александр III заболел нефритом и болезнь приняла опасный оборот, великий князь Михаил Николаевич, как старейший член семьи, имел разговор с государем. Он указывал, что болезнь может кончиться трагически, а так как наследник еще не женат, то могут создаться

нежелательные осложнения. Государь выразил согласие на брак цесаревича и поручил Михаилу Николаевичу с ним об этом переговорить. Николай Александрович категорически заявил, что он любит принцессу Алису и ни на ком другом жениться не желает. При посредничестве великого князя было получено согласие императора на этот брак. Время до бракосочетания и сама церемония прошли в атмосфере последних дней жизни и кончины Александра III.

С первых же шагов при дворе Александра Федоровна держала себя с большим достоинством, а врожденную ее застенчивость приняли за отчужденность. Вдовствующая императрица, ранее противившаяся этому браку, примирилась с совершившимся фактом. Государь, с своей стороны, оставил Марии Федоровне все прерогативы супруги царствующего императора, как-то: единоличное назначение статс-дам и фрейлин, заведование ведомством императрицы Марии и Красным Крестом и давал ей во всех церемониях место впереди своей супруги. Этим смягчалось то обстоятельство, что с браком сына вдовствующая царица отходила на второй план. Первоначальное предубеждение к невестке стало ослабевать.

Однако предоставленные Марии Федоровне прерогативы скоро начали казаться обидными молодой императрице, тем более что старый двор царицы-матери лишь с трудом мирился со своим новым положением.

Конечно, при этих условиях да при замкнутости характера Александры Федоровны трудно было ожидать внутреннего сближения обеих цариц. Отсутствие настоящей близости между матерью и женой тяготило государя во все его царствование.

Великая княгиня Мария Павловна, женщина очень умная и властолюбивая, пожелала стать наперсницей и опекуной государыни, но сразу получила холодный и решительный отпор, благодаря чему и стала неприязненно относиться к императрице. Таким образом, на первых же порах царица имела против себя двор вдовствующей государыни и могущественный двор Марии Павловны, к которому примыкало все петербургское общество.

Перемещение графа Воронцова-Дашкова, долголетнего министра двора, наместником на Кавказ, происшедшее не без влияния Александры Федоровны, оттолкнуло от нее многочисленных родственников и все «окружение» этой в высокой степени

великосветской семьи.

К тому же молодая императрица не имела способности поддерживать салонных разговоров и к ним относилась скорее с пренебрежением. Когда, по необходимости, она все же принимала пожилых светских дам и те пытались давать ей непрошенные советы, на них следовали обыкновенно меткие и резкие ответы. Все это пережевывалось в столичных гостиных и в конце концов возвращалось к императрице в весьма искаженном виде. Некоторых из этих дам императрица перестала принимать.

Так постепенно возникла та рознь между обществом и двором, которая в последние годы царствования настолько обострилась, что и общество, вместо того чтобы, по укоренившимся своим монархическим взглядам, поддерживать трон, от него отвернулось и с настоящим злорадством смотрело на его крушение.

НЕИСПОЛНЕННЫЙ ПРИКАЗ

О первом проявлении у государыни императрицы твердости характера и ее влиянии на государственные дела я писал уже, рассказывая о тифозном заболевании Николая II. Привожу здесь два других эпизода, как примеры упорной настойчивости государыни, объясняющие вместе с тем непопулярность Александры Федоровны.

Двор ехал в Крым.

Императрица была в ожидании ребенка и перед отъездом просила графа Фредерикса оповестить, чтобы на пути не устраивалось никаких встреч. Об этом граф написал министру внутренних дел. Однако на одной из станций, на перроне и вокруг вокзала, собралась громадная толпа народа всех сословий. Александра Федоровна, увидев это, закрыла занавесками окна своего вагона.

Я доложил министру, что губернатор умоляет государя показаться, хотя бы на минуту, в окне вагона, так как администрация не могла силой удалить толпу, уже несколько часов стоявшую у станции. Народ полон преданности и любви к государю и ни за что не желает разойтись.

Фредерикс вошел в купе императрицы, где был и царь, и доложил о происходящем. Николай II уже встал, чтобы подойти к окну, когда Александра Федоровна запротестовала, сказав, что его величество не